

## ЖАНР СКАЗАНИЯ В ПРОЗЕ В.М. ГАРШИНА: ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО

А.И. НЕСТЕР

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2633-0852>

*В статье исследуется жанровое своеобразие «Сказания о гордом Аггее» (1886) В.М. Гаршина. Системному рассмотрению подвергнуты наиболее существенные квазилитературные факторы создания произведения (стилистическое влияние Л.Н. Толстого, стремившегося создать свой вариант творческого переложения того же сюжета, неоднозначная реакция Неофилологического сообщества, историко-фактологический комментарий к одному из известных высказываний В.М. Гаршина, которое часто упоминается в контексте изучения «Сказания о гордом Аггее»). Путем анализа структуры, сюжета, инициально-финального комплекса, лексики, используемых мотивов и символов исследуемого произведения отстаивается тяготение писателя к формальному соблюдению жанрового канона и прослеживается существенное обновление содержания на религиозно-философском уровне. Отдельно рассматривается ономастический аспект, а также дискурсивные особенности жанровой модели анализируемого художественного текста.*

**Ключевые слова:** В.М. Гаршин, сказание, легенда, гордый Аггей, жанровый канон, жанровый анализ.

**Введение.** Имя Всеволода Михайловича Гаршина зачастую остаётся в тени крупных романистов соответствующей эпохи. Тем не менее, именно его творчество можно отнести к феномену предмодернизма в русской прозе, а потому оно стало источником новаторских и смелых для своего времени тем, идей и художественных приёмов, глубоко переосмысленных и раскрытых в литературе позднее. Многие черты его идиостиля, заслуживающие внимания исследователей, не проанализированы в должном объёме. Исследования П. Генри, Вл. Порудоминского, Е.С. Грачевской, Н.Н. Мельниковой, С.Н. Васиной, И.Э. Васильевой и других, несмотря на фундаментальный аналитический подход, носят преимущественно фрагментарный характер. «Сказание о гордом Аггее» (1886) зачастую рассматривают совокупно с произведениями Гаршина, традиционно включаемыми в круг детского чтения («Attalea princeps» (1880), «То, чего не было» (1882), «Сказка о жабе и розе» (1884), «Лягушка-путешественница» (1887)), что, в целом, не лишено логики, если обратиться к биографическим данным. В определённый период жизни писатель задумывался над тем, чтобы работать учителем, а летом 1882 г. редактировал пособие для школьников «Друг детей». Некоторое время Гаршин занимался переводческой деятельностью. Благодаря ему появились русские варианты нескольких сказок Кармен Сильвы и Уйды. Талант знаменитого датского писателя Г. Х. Андерсена Гаршин считал равным таланту Ч. Диккенса.

Впервые «Сказание...» появляется в четвертом номере журнала «Русская мысль» за 1886 г. с подзаголовком «Пересказ старинной легенды». Сюжет позаимствован из «Повести о царе Аггее и како пострадать гордостию», напечатанной в сборнике А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды» с пометой: «Из собрания В.И. Даля, которому легенда эта, заимствованная из старой рукописи, доставлена из Шенкурского уезда, Архангельской губернии» [1, с. 450]. В сборнике Афанасьева также упоминаются следующие сведения о потенциальном первоисточнике: «“Повесть о царе Аггее” была создана в конце 1670-х гг., образованными книжниками, приближенными к московскому Печатному двору. За основу взят интернациональный архетипический бродячий сюжет о царе, наказанном за гордость, а также актуальные для того времени “Слово о богатом и Лазаре” из “Обеда душевного” Симеона Полоцкого (1675–1676 гг.) и рассказ о гордом царе из “Неба Нового” украинского просветителя и церковного деятеля Иоанникия Галатювского (переведенного с украинского на русский язык в 1677 г.)» [1, с. 450]. Примечательна работа «“Сказание о гордом Аггее” В.М. Гаршина: источники, контекст» [2], в которой достаточно обстоятельно раскрываются историко-культурный и общественный аспекты создания произведения. Углубленный филологический анализ с применением классических и современных литературоведческих методов обеспечивает актуальность и новизну настоящего исследования.

«Сказание о гордом Аггее» весьма существенно выделяется на фоне остальных вышеупомянутых произведений, прежде всего, в жанровом отношении, что становится очевидным из названия. Именно жанровой специфике произведения стоит уделить наиболее пристальное внимание.

**Основная часть.** При исследовании «Сказания...» необходимо предварительно кратко осветить три аспекта, связанные с творческой историей и особенностями переложения оригинального сюжета: влияние Л.Н. Толстого на формирование ценностных ориентиров, Неофилологическое общество, различие образов царя Аггея и одноименного пророка. Все они достаточно полно отражены в труде А.В. Денeko [2].

Толстой, несомненно, был для Гаршина значимой фигурой, совмещающей наставнические и даже отеческие начала (Гаршин становился и одним из гостей Ясной Поляны). От выдающегося романиста Гаршин перенял его поздний интерес к народной сказовой форме, нашедшей наиболее яркое воплощение в произведениях «То, чего не было» (1882), «Сказание о гордом Аггее» (1886), «Сигнал» (1887). Прослеживается также косвенное влияние идей Толстого, который сам планировал создать собственный вариант этой легенды, но, по заверению

Н.З. Беляева, оставил это намерение, почитав рассказ Гаршина [3]. Драматическую переработку легенды об Аггее Толстой не завершил. Сохранилось девять написанных картин и вводная ремарка к десятой. Существует три рукописи: автограф и две копии [4]. Этот материал, тем не менее, позволяет получить некоторое представление о специфике произведения, которое отличается обилием жестоких сцен и толстовской перцепцией христианских заповедей. Гаршин, конечно, тоже обладал своими религиозными воззрениями, однако истина Христа для него безоговорочно, его идеал – недостижим.

«Сказание» в переложении Гаршина было впервые представлено в Неофилологическом научном обществе при Петербургском университете 3 апреля 1886 г. и вызвало, по словам очевидцев, бурную реакцию, обусловленную видоизмененным финалом. Если в условном «оригинале» архетипического мотива Аггей спустя три года странствий в качестве нищего возвращается к царствованию, то у Гаршина он просит ангела, принявшего его облик, оставить все как есть: «Нет, господин мой, послушаюсь я твоего веления, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантии. Не оставлю я слепых своих братьев: я им и свет и пища, и друг и брат. Три года я жил с ними и работал для них, и прилепился душою к нищим и убогим. Прости ты меня и отпусти в мир к людям: долго стоял я один среди народа, как на каменном столпе, высоко мне было, но одиноко, ожесточилось сердце мое и исчезла любовь к людям. Отпусти меня» [5, с. 298]. Критиковались буддизм, эгоизм, призыв к беспечности и опасные для широкой общественности идеи, которые, по мнению молодых филологов, нашли отражение в произведении в связи с новым оригинальным окончанием. Мудрый царь может сделать больше, чем сердобольный нищий-поводырь. Это аргумент гуманизма рационального, однако Гаршин иррационален: мессианская тенденция в его творчестве является одной из основополагающих, фундаментальных, универсальных. Историк литературы Ф.Д. Батюшков связывает конец «Сказания» с финалом рассказа «Художники» – решением Рябинина отказаться от искусства и пойти в сельские учителя, – усматривая в этом мотиве великодушную мечту отдать всего себя во служение ближнему [5, с. 421]. И.А. Шляпкин, присутствовавший на чтении, также неверно интерпретирует позицию героя, усматривая в его выборе тяготение к «сладости бедной, но независимой жизни»<sup>1</sup>, тогда как для автора поступок Аггея – покорность и человеколюбие гораздо более высокого порядка, готовность к бескорыстному служению («И пошел поводырь Алексей со своими двенадцатью слепыми, и работал всю жизнь на них и на других бедных, слабых и угнетенных, и прожил так многие годы до смерти своей» [5, с. 298]).

В контексте «Сказания» также зачастую упоминается цитата Гаршина из мемуаров И.Е. Репина, его близкого друга. Однажды художник спросил, почему Гаршин не напишет большого романа, чтобы войти в историю русской литературы как крупный писатель. Ответ его искренне поразил: «Видите ли, Илья Ефимович, – сказал ангельски кротко Гаршин, – есть в библии “Книга пророка Аггея”. Эта книга занимает всего вот такую страничку! И это есть книга! А есть многочисленные тома, написанные опытными писателями, которые не могут носить почтенного названия “книга”, и именно их быстро забывают, даже несмотря на их успех при появлении на свет. Мой идеал Аггей» [6, с. 496–497]. Художественное воплощение, однако, получил не Аггей-пророк, а Аггей-царь, не имеющий с ним никакой связи, кроме имени.

Итак, после уточнения этих важных моментов следует перейти непосредственно к особенностям жанрового воплощения старинного сюжета у Гаршина.

Для начала обратимся к жанровой дефиниции в литературном словаре: «Сказание – в фольклоре общее родовое название повествовательных произведений исторического и легендарного характера, сочетающее ретроспективность изложения с поэтической трансформацией прошлого. Среди сказаний различают предания, легенды, были и др. В древних литературах сказаниями именуют прозаические произведения с историческим и вымышленным содержанием, в новой литературе бывают и стихотворными. Литературное сказание в той или иной мере включают в себя традиционные образно-стилевые свойства фольклора» [7]. Исходя из определения, сказание представляет собой некоторое жанровое обобщение. При этом различение «предания» и «легенды», во-первых, не всегда возможно, во-вторых, не имеет большого прикладного значения. Бахтин называл сказание «первофеноменом» в отношении упомянутых жанров. Сказание, в сущности, представляет собой некоторое полижанровое по своей природе образование и означает, прежде всего, фольклорное несказочное прозаическое произведение. Принципиальное отличие сказания от сказки состоит в том, что сказание по своей сути претендует на правдивость изложения, условную историческую истину, содержащуюся в нем в той или иной степени, в то время как сказка позиционируется как вымысел. Повествовательные же стратегии сказания и сказки практически идентичны, потому зачастую они рассматриваются вместе (аналогичная ситуация произошла с творческим наследием Гаршина, что уже отмечалось выше). «Сказание о гордом Аггее» наиболее полно соотносится с жанром легенды, представляя собой некоторое повествование поучительного содержания о чудесном происшествии, претендующем на достоверность, несмотря на неправдоподобие (взаимодействие с ангелами/демонами и проч.).

В рамках вопроса об определении жанровой атрибуции магистральная роль обыкновенно отдается авторскому самоопределению (вспомнить хотя бы роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души»). Писатель определяет жанр как «сказание», в подзаголовке звучит вариант «легенда», однако, как выяснилось ранее, данные понятия, в сущности, могут вступать в гиперонимо-гипонимические отношения. Обратим внимание на структурный и лингвостилистический аспекты. В произведении присутствует некоторая языковая стилизация (тяготение к стандартизированным речевым формулам и использование инверсии,

<sup>1</sup> Письмо Гаршина В. М. Батюшкову Ф. Д., 30 марта 1886 г. URL: <http://garshin.lit-info.ru/garshin/pisma/letter-393.htm>.

характерное для сказаний: «Жил так Аггей один, точно на высокой башне стоял», «Пришел он туда с женою своею в пышных одеждах» [5, с. 289]; использование лексики соответствующей стилистической окраски: «жить в ладу», «златотканый», «кнута отведасть», «пастуховы побои»). Финальная формула походит на житийную («А ангел через три дня оставил тело правителя. Похоронили тело, и жалел народ своего правителя, который сначала гордым был, а после кротким стал. Ангел же явился перед лицо господа...» [5, с. 298]), в то время как топографическая инициальная довольно прямо отсылает к сказочному канону («Жил в некоторой стране правитель; звали его Аггей» [5, с. 289]). Важен и мотив двойничества, разделения божественного и земного, греховного в человеке. Примечательно, что «подселенцем» в теле правителя становится ангел: более привычен обратный вариант, как, например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских», где к жене князя Павла является змий (олицетворение злобного двойника, доппельгангера). Также интересен мотив смены имени как маркера духовного перерождения, что закономерно и логично для христианской традиции. Ономастически главный герой переплотился из «торжественного», «праздничного», «веселящегося» (Аггей) в «защитника», «отражателя», «предотвратителя» (Алексей), что весьма органично соотносится с сюжетом.

В произведении фигурируют сакральные числа. Несколько раз упоминается тройка, а также используется число двенадцать – именно столько слепцов ведет Аггей-Алексей. Их количество совпадает с числом апостолов. Бывший царь не просто отрекся от престола – он по собственной воле стал вечным пилигримом, ведь только такого рода покаяние способно было искупить его грехи. Главным врагом Аггея становится его собственная гордыня, приводящая к высокомерию, дерзновенности, отчужденности, жестокости по отношению к другим, самодурству. Когда же эта гордыня заставляет его возвыситься над самим Создателем и вырвать страницу из Священного Писания (преступить высший закон, покуситься на столпы мироздания), приходит возмездие. Однако кара становится для него благом.

Для сказки и сказания, по мнению В.И. Тюпы, характерна единая жанровая картина мира, характеризующаяся как прецедентная, предполагающая детерминизм, заикленность, некоторую процессуальность события, обуславливающие отсутствие нарративной интриги. При этом событийность в таких произведениях продиктована прецедентностью сюжетобразующего случая. Герой уже утверждает свою центральную позицию (в сравнении с мифом), однако все ещё не обладает яркой индивидуальностью и сохраняет самотождественность на протяжении всего повествования [8, с. 57–63]. «Сказание о гордом Аггее» не в полной мере соответствует приведенным выше критериям, что, впрочем, легко объясняется фактом «олитературирования» жанра и значительной ролью авторского начала в нем. Притчевая же назидательность декомпенсируется и самоликвидируется отсутствием иносказательности, прямолинейностью повествовательной стратегии.

Аггей качественно преобразовывается внутренне, причем колоссально, и переход от эгоистического мировосприятия к альтруистическому становится лишь маркером, внешней стороной выражения этих изменений. Более всего это подчеркивает финал (принятие решения не возвращаться на престол). Деструктивный бунт Аггея трансформируется в отказ Алексея от повиновения ангельскому воззванию, но отказ этот исполнен искренней кротостью. Тем не менее, привычный шаблон жанрового канона разрывается, так как личностное начало берет верх над ним. Однако поступок идентифицируется как праведный, следовательно, предначертанный Богом, уготованный провидением. Возможно, в контексте видоизменений предложение вновь воцариться обретает статус искушения, преодоленного Алексеем. Христианское миссионерство для Гаршина неразрывно сопряжено с активным и деятельным самопожертвованием, обладающим глубинной духовной логикой, не соотносимой с материалистическими и разумными представлениями о благе и пользе. Следовательно, причины жанрового обновления кроются в художественной задаче автора, обусловленной религиозно-философскими воззрениями.

**Заключение.** А.В. Денекко высказывает мнение, что Гаршин в своем «Сказании о гордом Аггее» сочетает элементы повести и жития [2]. Смена имени также подспудно заставляет провести параллели со «Сказанием о житии Алексия, человека Божия», тоже представляющего собой сложное полижанровое образование. В нем столь же четко очерчен мотив странствия и добровольного отказа от мирских благ и высокого социального статуса в пользу душеспасения.

Некоторые житийные черты действительно присутствуют у Гаршина, в частности, во второй условной части, содержащей самоотречение и добровольное обречение себя на тяжкий труд в стремлении к богоугодности, однако их нельзя назвать доминирующими и сюжетобразующими. Кроме того, житийная структура и архитекtonика предполагают достаточно строгую регламентированность: вступительная часть, уединенное детство с благочестивыми и богобоязненными родителями, раннее проявление интереса к духовному, отказ от семейной жизни, уход от мирской жизни, противостояние искушениям, приход братии, благочестивая и самопредсказанная кончина, посмертные чудеса, хвала и признание (канонизация). Очевидно, что разночтения до такой степени критичны, что о возможности подобной жанровой атрибуции говорить не представляется целесообразным. Аггей претерпевает значительную внутреннюю трансформацию, так как приходит к праведности из чувства ответственности и в результате своего свободного выбора, а не просто по воли провидения. Он прозревает духовно благодаря выпавшему на его долю испытанию (стоит обратить особое внимание на тот факт, что Алексей становится именно поводом – аллегория достаточно прозрачна). В такой ситуации уместнее провести параллели с жанром апокрифического сказания или даже повести-сказания. Писатель подвергает исходный сюжет существенной художественной переработке, в первую очередь, изменяя его финал и насыщая исходный текст подробностями, в том числе и реалистическими, испытывая при этом влияние идей и стиля Толстого и сохраняя все основные

формальные и содержательные компоненты избранной жанровой формы (относительная краткость изложения, апелляция к легендарным событиям, языковая стилизация, подчеркнутая формульность).

При этом новаторство Гаршина реализуется на уровне идейно-философских пластов текста. Всегда актуальная для его творчества тема духовного одиночества слабого человека, имплицитно готового на жертвенный подвиг (рассказы «Ночь», «Трус»), неискупимого нравственного долга индивидуума перед человечеством, желания стать сопричастным чужому страданию, словом, оригинальное художественное преломление христианских религиозных идеалов нашли отражение и в этом произведении, благодаря чему «Сказание...» претерпело существенное обновление.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. – Т. 3. – М.: Худ. лит., 1985. – 495 с.
2. Денеко А.В. «Сказание о гордом Аггее» В.М. Гаршина: источники, контекст [Электронный ресурс] // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazanie-o-gordom-aggee-v-m-garshina-istochniki-kontekst> (дата обращения: 02.06.2025).
3. Беляев Н.З. Гаршин // Жизнь замечательных людей. – [б. м.]: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1938. – 180 с.
4. Сизова И.И. История текста драматической обработки легенды о царе Аггее Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-teksta-dramaticheskoy-obrabotki-legendy-o-tsare-aggee-l-n-tolstogo/viewer> (дата обращения: 02.06.2025).
5. Гаршин В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В.И. Порудоминский. – М., 1984. – 432 с.
6. Репин И.Е. Далёкое близкое. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 599 с.
7. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 751 с.
8. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.

Поступила 12.06.2025

#### THE GENRE OF TALE IN THE PROSE OF V. M. GARSHIN: TRADITIONAL AND INNOVATIVE COMPONENTS

H. NESTSER

(Belarusian State University, Minsk)

*The article explores the genre identity of the “Tale About Proud Aggay” (1886) by V. M. Garshin. The most significant quasi-literary factors of the work’s creation (the stylistic influence of L. N. Tolstoy, who sought to create his own version of the creative arrangement of the same plot, the ambiguous reaction of the Neophilological community, the historical and factual commentary on one of Garshin’s famous statements, which is often mentioned in the context of the study of “Tale About Proud Aggay”) are studied systematically. By analyzing its structure, plot, initial-final complex, vocabulary, motives and symbols used, the gravitation towards the observance of the genre canon formally and the essential renewal of the content at the religious-philosophical level is asserted. The onomastic aspect as well as discursive features of the genre model of the analyzed fiction text are considered separately.*

**Keywords:** V. M. Garshin, tale, legend, Proud Aggay, genre canon, genre analysis.